

# ВЕНГЕРСКАЯ АРХИТЕКТУРА 1945—1985 ГОДОВ

Ф. ВАМОШИ

Институт истории и теории архитектуры  
Будапештского Политехнического Университета

«Среди искусств архитектура, с ее закономерным порядком, связанностью форм и линий, являет собой наиболее трудный, наиболее неподатливый инструмент для самовыражения творца.»

## Abstract

In the absence of historical perspective, specific problems arise in valuation when Hungarian architecture of the past four decades is being studied. An analysis of the value problem necessarily leads to re-thinking value concepts, to questions concerning the scales of value. The paper, discerning material-economical, productive-technological, social and socio-historical, personal and other characteristics of value-creating processes, in the knowledge of value crisis approaches the valuation possibilities of architecture as artistic-spiritual phenomenon. It deals with and analyzes the problems to be solved in the field of valuation and value changes.

Взятые в эпиграф слова принадлежат Лайошу Фюлепу, крупному венгерскому теоретику искусств, принявшему деятельное участие в культурных начинаниях Венгерской Советской Республики 1919 года. Этими словами начинается его статья под названием «Венгерская архитектура», опубликованная в журнале «Ньюгат» в апреле 1918 года. Отвлечемся пока от сформулированной в них сложной проблемы, а именно от того, что архитектура есть искусство, подвергающее испытанию всю сумму человеческих способностей и реализуемое лишь своеобразными личными усилиями, ибо в ней, в архитектуре, продолжает свою мысль Лайош Фюлеп, «с одной стороны, индивид выступает как носитель наиболее отвлеченной духовной диспозиции наций, а с другой — она более, чем другие искусства, зависит от удовлетворения насущных материальных запросов и практических целей». Следовательно, если, не считаясь с этими трудностями, мы намерены подвергнуть исследованию венгерскую архитектуры минувших четырех десятилетий в плане ее *художественно-эстетических достижений*, будучи уверенными в том, что подобный анализ не только возможен, но мы и обязаны его произвести, то — принимая во внимание факт краткости исторической перспективы, — необходимо признать, что первой и важнейшей задачей, исходным пунктом исследования такого рода является выяснение и уточнение категорий ценностей, проблем оценки.

С этой проблемой мне пришлось вплотную с толкнуться во время подготовки к печати восьмого тома «Истории венгерского искусства», охватыва-

ющего период 1945—1985 годов, в ходе моей работы над главой, посвященной архитектуре указанного времени. И для редакторов, и для авторов этого многотомного труда было очевидным требование, чтобы при отборе, систематизации и обработке материалов был реализован исключительно *ценностный подход*. Лишь на основе ценностного подхода и строгого отбора возможен такой анализ фактов и достижений недавнего прошлого, при котором на передний план выдвигаются произведения, действительно располагающие устойчивыми во времени архитектурными достоинствами; произведения, не просто носящие на себе характерные приметы эпохи, но и верно отражающие существенные черты нашего народа и общества, творческих индивидуальностей, всей венгерской культуры, и являющиеся действительными носителями ее ценностей.

Легко сформулировать это требование, но тем больше трудностей возникает при отборе произведений, обладающих вышеуказанными качествами, а также при разработке пригодных для этого оценочных критериев. Тем не менее исследование процессов, связанных с созданием ценностей, анализистов и типов ценностей есть задача и привлекательная, и необходимая. К ценностями необходимо подходить со стороны их материально-экономических, производственно-технологических, социально-потребительских качеств, как к продукту общественно-исторического развития, связанному с аспектами преемственности традиций, формирования сознания идентичности. Дифференцируя индивидуальные и прочие признаки и категории, необходимо охватить архитектуру в целом, как явление *духовно-эстетического* порядка. Однако напрашивается вопрос: существуют ли вообще какие-нибудь надежные критерии для оценочной деятельности в наши дни, в период, когда архитектура переживает полосу духовного кризиса и столкновения ценностей? Ведь наша эпоха — и это мы ощущаем все глубже, все явственнее — не только эпоха стремительного социального прогресса, динамических изменений (кто станет отрицать реальность и значимость глубоких перемен, затронувших все сферы человеческой жизни?), но вместе с тем, именно в результате изменений, это и эпоха перестройки ценностей, эпоха своеобразного кризиса, эрозии ценностей прошлого, эпоха формирования — а при допущении ошибок подчас и деформирования — того, в чем можно усмотреть зачатки будущего.

Проведенные в недавнем прошлом обширные социологические исследования пролили свет на ряд острых проблем модернизации в развитии венгерского общества. Процесс модернизации сопровождается разрушением унаследованных от прошлого ценностных систем в различных областях общественной жизни; и в то же время, как логические завершения процесса, имманентные самой модернизации противоречия дают себя знать в заострении конфликтных, кризисных ситуаций. Достаточно указать на противоречия, пронизывающие всю нашу экономику, в том числе и те материально-производственные процессы, от которых зависит состояние архитектуры и строител-

ства; или на противоречия в жизненном укладе; здесь модернизация — безусловно давшая и много положительного — обнаруживает себя с теневой, негативной стороны.

В венгерской архитектуре в целом легко распознаются признаки кризиса и состояния неопределенности, эрозия прежних ценностей; признаки неуверенности, запаздывания и даже отставания в сфере формирования новых ценностей и ценностных систем. Мы как будто бы и в технику уже не верим — причем не верит в первую очередь наша молодежь — той верой во всемогущество техники, которая была столь характерной для нашей эпохи на протяжении длительного времени. «Технические достижения, — писал Лайош Фюлеп в декабре 1917 года, — есть те приметы, которые ясно и четко определяют характер настоящей эпохи». Он уже задумывается и над тем, а что случится в том случае, если «в следующую за нами эпоху техника утеряет то ведущее место в ряду ценностей, которое она занимает сегодня», — в эпоху, которая, по мнению Фюлепа, «на пьедестал высшей ценности воздвигнет самое бытие».

«Системы и взаимосвязи и сами подвержены изменениям» — эта мысль Фюлепа справедлива и в применении к системе ценности. Внутреннее самодвижение, изменения, а временами даже и кризисные состояния в системе ценностей могут быть выявлены и в процессе становления прогрессивного мировоззрения, строительства социалистического общества. В качестве примера сошлемся на видных деятелей конструктивизма Татлина и Родченко, на ценности и противоречия выдвинутых ими тезисов, пронизанных пафосом новой веры, на прием, оказанный в свое время этим тезисам, на их дальнейшую судьбу, вплоть до переосмысления их в условиях нашей современности. Можно сослаться также на свойственные новейшей венгерской архитектуре сдвиги в оценочных установках, на ее тягу к разнообразным, ярким решениям. Помню, какое сильное впечатление произвела на меня обложка поэмы Маяковского «Сергею Есенину», выполненная Александром Родченко. Для раскрытия конфликта между миром Есенина и новой жизнью художник прибегает к контрастному сопоставлению колосьев пшеницы и железнодорожного моста — на передней обложке, и деревянной сельской избы с многоэтажным кирпичным зданием — на задней обложке. (Сэтим произведением Александра Родченко венгерскую публику познакомила искусствовед Юлия Сабо в статье «Москва — летом 1974 года», опубликованной в 1975 году во втором номере журнала «Мюесет». Мне посчастливилось видеть дом на улице Кирова, бывшей Мясницкой, в котором жил художник, — это здание и фигурирует на обложке; а также побывать и на родине Есенина, в деревне Константиновке, посетить отчий дом поэта, похожий на избу, воспроизведенную на обложке.) Эта обложка, сделанная полвека тому назад, и сейчас еще захватывает своеобразием излучаемой ею красоты и веры; покоряет вложенная в нее конструктивная программа, ее конечная историческая правда. Сегодня символом эпохи

является космический корабль, а рядом с ним, как в дополнение к нему, получил место и заново переоценный деревянный дом, древнейшее человеческое жилище.

А как же быть с высотными зданиями?

Выразительной иллюстрацией к проблеме изменчивости системы ценностей могут послужить пророческие строки из стихотворения «Элегия» венгерского поэта Аттилы Йожефа, навеянные мрачными картинами городской фабричной окраины:

«Здесь созревает  
 весь мир людской. Здесь всё руины, прах  
 .....  
 Здесь души — тяжкодумы  
 ждут больших перемен, прекрастных, крепких, стойких,  
 с такой же безнадежностью угрюмой,  
 как грезят пустыри о новых стройках».

В этом переводе, принадлежащем поэту Леониду Мартынову, последняя строчка не совсем тона. В оригинале «пустыри грезят о высоких зданиях, оглашаемых живым гомоном».

Теперь высотные дома — реальность, они здесь, вокруг нас; однако мы снова ищем, требуем других ценностей, разочаровавшись в своих ожиданиях, живя надеждой на новые возможности.

Спрашивается: возможно ли писать историю недавнего прошлого и вырабатывать реальные, надежные критерии для оценки ценностей в условиях, когда вновь дает себя знать эрозия ценностей, в период самой глубокой до сих пор — или быть может подобной прежним? — переоценки ценностей? Можно ли — и надо ли — спокойно и беспристрастно судить о том, что составляет часть нашей собственной биографии, нашей молодости, нашего «я»?

Я убежден в том, что — можно. В том, что эта столь противоречивая сама в себе эпоха, в ее прерывности и непрерывности, хотя при обзоре ее изнутри и является открытой, тем не менее она обнаруживает свои тенденции, свою сущность, противоречия, и естественно — свои ценности. Однако при оценке ценностей мы и сами должны проявить определенную открытость и внутреннюю толерантность; необходимо одолеть собственные предубеждения, привести в гармонию свой внутренний мир. Подход к архитектуре рассматриваемого периода должен быть таким же, как и подход ко всеобщей культуре. Эта культура есть, по словам Грамши, «организация нашего внутреннего 'я', овладение собственной личностью, достижение такой степени самосознания, когда мы оказываемся способными понять свою историческую роль, возложенные на нас жизнью функции, свои права и обязанности». Сказанное, однако, справедливо не только в приложении к отдельной личности. Точно

так же мы должны подходить и к нашей архитектуре, строительной культуре в целом, осознавая противоречия и понимая значение ценностей крайних полюсов для нашего развития. Созданные в послевоенные годы ценности «новой архитектуры» требуют к себе такого же внимательного отношения, как и лучшие достижения эпохи социалистического реализма; небольшие шедевры шестидесятых годов мы должны анализировать с такой же тщательностью, как и успехи технического переоснащения в нашем промышленном и жилищном строительстве. Из поля нашего зрения не должно быть упущено ни то ценное, что было создано в области массового строительства, ни творения тех архитекторов, которые добились серьезных успехов в деле возрождения ценных традиций национального зодчества. Ясно, что мы имеем дело с ценностями подчас весьма проиворечивого характера. Но ведь ценности могут и сталкиваться; возможно, как раз это и служит движущей силой исторического процесса, являющегося в конечном счете внутренней мерой всякой ценности, ее сущностью. Этот процесс, следующий из природы человека как «рефлектирующего средства» — термин заимствован нами из последнего труда философа Дьёрдя Лукача, монументального исследования, посвященного «Онтологии общественного бытия», — этот прогресс, о котором мы даже в условиях кризиса не можем сказать ничего иного, чем сказано Сартром в его духовном завещании: «надо верить в прогресс», — итак этот исторический прогресс является неотъемлемой чертой минувшего сорокалетия, в том числе и нашей архитектуры, прошедшей сложный, не лишенный противоречий путь развития, в ходе которого она создала и свои определенные ценности. Вот в такой перспективе раскрываются во всем их богатстве и своеобразии выразительные черты этой исторической эпохи. Факты, произведения, достижения, ценности — ценности, с которыми необходимо считаться, которые мы принимаем, и за которые берем на себя ответственность.

Ференц ВАМОШИ Н-1521 Будапешт